

«Тридцать оттенков серого» были плодом минутного гнева Линь Саня после того, как его погубил тот красавчик... нет, тот ненормальный мужик. Из-за тогдашнего душевного состояния роман изобилдовал бесстыдными и откровенными сценами. Особенно описание S&M — оно было настолько реалистичным, что пробирало до костей.

Писать-то он писал, но Линь Сань никогда не планировал, чтобы это увидел кто-то, кроме него самого! Это было куда более удушающе, чем если бы дневник маленькой девочки прочитали вслух перед всем классом. Ведь его абсолютно точно сочтут извращенцем! Абсолютно!

Линь Сань чувствовал, что стоит на пороге социальной смерти, и готов был разрыдаться. Однако в этот момент произошло нечто еще более странное: какой-то желтоволосый паренек с пучком на голове внезапно прибежал к нему и с горящими глазами заявил, что хочет превратить «Тридцать оттенков серого» в фильм!!!

— Поверьте мне, это потрясет мир кино и останется в веках! — Молодой человек, назвавшийся режиссером, крепко сжал руки Линь Саня. Страсть в его глазах была сравнима с извержением вулкана.

— Умоляю вас, господин Линь, обязательно доверьте это произведение мне.

В психологии есть закон Вебера-Фехнера (или закон Беббо), суть которого в том, что если человек подвергается невыносимо сильному стимулу, то второй подобный стимул уже не кажется таким болезненным. Линь Сань сейчас пребывал именно в таком состоянии.

Глядя на режиссера Нина, который через слово вставлял «искусство» и «мастер», Линь Сань с лицом человека, чье сердце превратилось в пепел, наконец произнес:

— Ладно. Фильм так фильм, делай что хочешь. У меня только одно требование.

— Мастер, прошу, говорите!

— Пожалуйста, сделай так, чтобы НИКТО не узнал, что это написал я!!!

— Ха?

Режиссер Нин посмотрел на скорбное лицо мужчины и вспомнил характеристику, которую дала ему сестренка Ду Цзе: «Лицо, тело, голос, талант — всё на высшем уровне. Такого мужчину даже продвигать не надо — выпусти на сцену, и он сам взлетит до небес за считанные дни. Эх! Жаль только, что он не хочет в шоу-бизнес и наотрез отказывается дебютировать. Какая потеря!»

«Вот оно что! Теперь я понял!» — осенило режиссера Нина. Разве человек, презирающий блеск и мишуру шоу-бизнеса, захочет быть втянутым в поток мирской суеты? Как и подобает истинному мастеру Линь. Это так... артистично!!!!

— Тогда давайте поступим так: вы выберете псевдоним, и в титрах в графе „сценарист“ мы укажем его.

— Псевдоним? — Линь Сань был бесстрастен.

— Плевать, придумай сам.

В тот момент он и представить не мог, что этот несерьезный парень с пучком в итоге выберет

для него нелепую смесь иностранного и местного: Николас Сань-Сань. Из-за этого дурацкого имени спустя много лет один «большой красавчик» будет над ним нещадно издеваться, заставляя Линь Саня горько сожалеть о содеянном.

В конце концов, забрав контракт на авторские права с подписью Линь Саня, великий режиссер Нин ушел абсолютно счастливым. По его бодрому виду было ясно: он готов свернуть горы.

— Кхм... В общем, огромное спасибо! — в трубке раздался несколько смущенный голос Ду Цзе. Линь Сань согласился на предложение «пучка» не только из-за гонорара, но и ради уважения к госпоже Ду. Он тяжело вздохнул — обсуждать это больше не хотелось.

«Этот Нин И наверняка доставил господину Линю немало хлопот!» — подумала Ду Цзе, вешая трубку. Она размышляла, как отплатить за услугу. Точно! Она помнила, что у Линь Саня есть дочь — на присланных фотографиях девочка была просто прелестной. При случае надо будет устроить ей какую-нибудь роль, кажется, малышка очень интересуется сценой!

Весной 1992 года пейджеры всё еще были на пике популярности по всей стране, и Линь Сань успешно открыл второй филиал в Жунчэне. На этот раз, помимо пейджеров, он продавал КПК (PDA), игровые приставки, фотоаппараты и «Дагэда» (огромные мобильники) — баснословно дорогие устройства, ставшие символом статуса.

Линь Сань с головой ушел в дела нового магазина, и не успел оглянуться, как наступило лето. А с летом пришла жара, от которой и на душе у людей стало беспокойно. Линь Сань заметил, что его старший сын Ван Яо в последнее время сам не свой. Вечером «идеальный папаша» решил проявить заботу.

Это была мастерская, которую Линь Сань выделил специально для Ван Яо. Держа в руках половинку арбуза, Линь Сань огляделся. Ван Яо в комнате не было — видимо, вышел в туалет. «Ну и беспорядок в этих логовах художников!» Линь Сань обошел наваленные на полу вещи и встал перед мольбертом. Это была незаконченная работа. Линь Сань хоть и не был знатоком, но узнал Давида.

— Папа? — Ван Яо вошел и удивленно окликнул отца. Мужчина за мольбертом на мгновение смутился, но быстро взял себя в руки и улыбнулся:

— Вот, арбуз разрезал, принес тебе половинку охладиться.

— О! — Ван Яо кивнул.

— Инь-инь поела?

— Она с подружками в «резиночки» прыгает, пока не набегается, не вернется.

Линь Сань поманил сына:

— Подойди, я спрошу кое-что.

— Что случилось?

— Да так, просто забота, — Линь Сань принял вид понимающего отца.

— Я вижу, ты в последнее время без настроения, и аппетит пропал. Что-то на душе?

Ван Яо поджал губы и машинально опустил голову.

— Помнишь, что я тебе говорил? То, что тебе кажется неразрешимой проблемой, для меня может быть сущим пустяком. Так что не скрытничай, скажи, вдруг я помогу?

— Да ничего особенного, — наконец нехотя выдавил парень.

— Цинь Чжи недавно участвовал в математической олимпиаде. Победил.

— Победил? Это же здорово.

— Здорово, — кивнул Ван Яо.

— Поэтому его зачислили в Пекинский университет без экзаменов (хотя столица в этом мире называется Юаньцзин, университет Пекинский).

Пекинский университет (Цзин-да) — один из двух лучших вузов страны, предел мечтаний миллионов студентов.

— Всего лишь в одиннадцатом классе, и уже зачислили?

— Угу.

Линь Сань замолчал. В душе у него вскипела тихая злоба — чистое чувство зависти двоечника к отличнику.

— Я так старался, хотел поступить с ним в один университет... Теперь, кажется, надежды нет, — глаза Ван Яо покраснели, он был готов расплакаться.

Линь Сань долго и пристально смотрел на него. Вопрос, который он давно таил в себе, наконец вырвался наружу:

— Вы двое... — Линь Сань с трудом подбирал слова.

— Вы просто друзья?

При этих словах в глазах Ван Яо промелькнула паника, а лицо мгновенно стало красным, как спелое яблоко. Линь Саню больше ничего не нужно было объяснять. «Так и есть!!! Я давно чувствовал, что тут что-то нечисто».

Мой сын влюбился в парня. Он гей. Линь Сань: «Мать твою, в этом мире что, все гей?! Сначала учитель Бай, теперь Ван Яо, даже я сам когда-то...» — при этой мысли его праведный гнев мгновенно утих. В конце концов, они были в одной лодке, и он не имел права никого судить. Но!!! Как отец и старший, он обязан был дать наставления!!!

— До какой стадии вы дошли? Первая база, вторая или хоум-ран (полный контакт)?

Ван Яо захлопал глазами. Сначала он не понял, но после настойчивых намеков Линь Саня осознал, о чем речь. Чистый душой и застенчивый юноша мгновенно впал в ярость от смущения.

— Да о чем ты вообще думаешь! У нас такого нет!!! — Ван Яо вскочил, превратившись из «красного яблока» в «острый перчик». «Хорошо, судя по реакции, ничего серьезного у них еще не было».

— Эй, не злись! — успокаивал его Линь Сань.

— Я не тебе не верю, я не верю этому щенку по фамилии Цинь. Ты такой простодушный, а он такой хитрый. Я просто боюсь, что он воспользуется твоим незнанием и обманет тебя!

Ван Яо, с пылающим лицом, упрямо возразил:

— Мы... мы оба парни, никто никого не обманывает.

— Да брось ты, — вздохнул Линь Сань.

— На тебя посмотришь — и сразу ясно, что ты «снизу».

Спустя две минуты... С громким грохотом «КРАНГ!» кое-кого бесцеремонно выставили за дверь.

В мастерской Ван Яо закрыл лицо руками. Он и подумать не мог, что папа всё поймет, да еще и, судя по всему, не будет против. Значит ли это, что их отношения получили официальное «добро»? На душе стало немного радостно.

Чувства Ван Яо были в полном смятении. Он просидел в прострации полчаса, то качая головой, то хлопая себя по щекам, прежде чем немного успокоиться. «Уроки, надо делать уроки...» Он сел за мольберт, чтобы закончить упражнение.

И тут... Хм? Почему в бумаге две дырки? Лицо Ван Яо мгновенно помрачнело. Было ясно, что кто-то слишком сильно надавил карандашом и проткнул лист. Вспомнив перепуганный вид Линь Саня, он всё понял. Проткнуть работу для художника — это преступление, сравнимое разве что с порчей любимых белил.

— Противный батя!!! — Ван Яо в ярости топнул ногой.

— Какой же он невыносимый!

На следующий день «невыносимый батя» задал трепку «щенку Цинь Чжи». Не спрашивайте почему. Это было «предупреждение с любовью» от старшего. И хотя после этого старший сын не разговаривал с ним целую неделю, Линь Сань по-прежнему считал, что поступил правильно!

Будни текли своим чередом, наступил июнь. Доктор Чжу позвонила и сказала, что в детском саду Чжоучжоу на 1 июня (День защиты детей) намечается мероприятие. Она сама не могла пойти и попросила Линь Саня подменить её.

— Во сколько? — уточнил Линь Сань.

— У Кэинь днем выступление в Дворце пионеров, я обещал быть.

— Всё закончится до обеда.

— Тогда без проблем.

Фух, хорошо, что Ван Яо и Го Синчэнь уже вышли из возраста детских праздников, иначе Линь Сань бы разорвался.

1 июня в детском саду «Ароматные травы» торжественно открылась семейная спартакиада.

Стоя на газоне и держа Чжоучжоу за руку, Линь Сань огляделся: в основном пришли мамы, папы были редкостью, даже бабушек было больше.

— Похоже, сегодня мы тут всех сделаем! — Линь Сань одарил «крестника» своим фирменным взглядом властного босса.

— Жди, сегодня я сделаю тебя самым крутым пацаном в саду!

У Чжоучжоу от этих слов загорелись глаза.

Детсадовские эстафеты — это всегда забавные игры. Первые три этапа дети проходили сами: чеканка мяча, гонки на трехколесных велосипедах и игра «Зайка через речку». Чжоучжоу участвовал в последней и, спотыкаясь, пришел четвертым. Было видно, что спорт — не его конек. Вот если бы это были соревнования по ментальной арифметике, он бы точно победил.

Малыш был явно недоволен результатом и надул губы. Линь Сань погладил его по голове, уверенно заявив, что в следующем этапе — соревновании родителей — он обязательно возьмет первое место. Правда, через пять минут он впал в ступор. Потому что соревноваться нужно было... в вязании свитеров???

Линь Сань: «Твою ж... этот навык я точно не прокачивал!»

Разумеется, его выбили в первом же раунде. Чжоучжоу посмотрел на него искоса:

— И это называется „сделаю тебя самым крутым пацаном“?

Линь Сань рассмеялся, уперев руки в бока:

— Гляди! Самолет летит!

Но Чжоучжоу не купился:

— Пф! Детский сад.

Несмотря на провал в «проклятом вязании», в последующих этапах — перетягивании радужного каната, беге «крабиком» и подбрасывании мяча на барабане — Линь Сань взял все первые места. В итоге с 16 баллами Чжоучжоу получил главный приз — пластиковую золотую медаль чемпиона. Малыш был вне себя от счастья, его холодность как рукой сняло, а щеки покраснелись.

— Твой папа такой сильный, высокий и красивый, как кинозвезда, — с завистью говорили Чжоучжоу другие дети. Тот в ответ выпячивал грудь и с напускной скромностью отвечал:

— Да нормально, он не такой уж и классный, как вы говорите.

— Нет, классный! — Ребенок указал в сторону.

— Смотри, не только моей маме, но и многим другим мамам он очень нравится!

Глядя на Линь Саня, который сиял среди толпы тетушек, Чжоучжоу снова надул губы и сердито хмыкнул.

После обеда в саду устроили пир, а как только воспитатель объявила об окончании, Линь Сань схватил Чжоучжоу и помчался в Дворец пионеров. У школьников 1 июня отмечали

праздничным концертом.

В два часа дня Линь Сань уже сидел в зале. Места для Чжоучжоу не было, так что он устроился на коленях у «крестного». Программа была интересной: песни, танцы, хор, чтецы и даже выступление с трещотками.

Спустя 40 минут на сцене появилась Линь Кэинь. Это был групповой танец, причем внезапно — балет! Несмотря на расстояние, Линь Сань сразу её узнал. Ещё бы, ведь в его системе «золотого пальца» главным талантом этой девчонки была КРАСОТА!

Под элегантную музыку дети закружились на цыпочках. Спустя четыре с половиной минуты зал взорвался аплодисментами, даже маленький Чжоучжоу не жалел ладошек. Линь Сань так гордился дочкой, что считал: она танцевала лучше всех, настоящая «маленькая лебедь», а остальные дети — так, стайка упитанных утят.

В четыре часа концерт закончился. Зрители потянулись к выходу. Линь Сань отвел Чжоучжоу в туалет, а на обратном пути решил заглянуть за кулисы. И тут он стал свидетелем неловкой сцены: на повороте в коридоре его дочь принимала признание в любви! Он быстро схватил Чжоучжоу и присел за картонную коробку, подглядывая. Это был мальчик из 3-4 класса в белом костюмчике с идеально уложенными волосами — кажется, один из ведущих концерта.

— Кэ... Кэинь, я думаю, ты очень красивая. Ты мне нравишься!

Линь Сань в засаде: «.....»

Кулаки сжались, в голове зашумело. Пару дней назад он узнал, что старший сын — гей, а сегодня — что второкласснице-дочери признаются в любви за кулисами! Это точно эпоха «чистых нравов», когда за руку на улице держаться стесняются?! Почему вы все такие раскрепощенные!!!

«Это точно не моя вина, я их так не воспитывал!» — убеждал себя Линь Сань.

— Кэинь, ты будешь моей девушкой? Я буду помогать тебе с уроками и каждый день покупать апельсиновые леденцы.

«Ишь ты! Нашей Кэинь нужны твои леденцы? Мы едим импортный шоколад, ясно тебе?!» — возмущался про себя Линь Сань.

Но не успел он выскочить и прекратить этот фарс, как раздался нежный голосок:

— Прости, ты не в моем вкусе! — мягко, но твердо отрезала девочка.

После такого отказа мальчик должен был либо уйти в смущении, либо тихонько всплакнуть. Но этот экземпляр оказался оригиналом. Побледнев и закусив губу, он вдруг выпятил шею и сердито заявил:

— Да не очень-то и хотелось! Я вообще-то пошутил. Ты так себе, обычная. По-моему, Сун Тинтин из танцевальной группы куда красивее тебя, она вообще первая красавица класса!

«Ах ты мелкий паршивец! Отказали — и сразу в кусты, да еще и хамишь!» — возмутился Линь Сань.

— Если тебе от этих слов станет легче, то пусть будет так, — кротко ответила Линь Кэинь.

— Известный одноклассник, желаю тебе счастья.

То есть она даже не знала, как его зовут! Бедный мальчик не выдержал такого удара, вытер слезы и с ревом убежал.

Линь Сань: «...»

Он тихо прикрыл рот Чжоучжоу рукой, подождал, пока Кэинь уйдет, и только тогда выдохнул.

— Это и есть девочки? — Чжоучжоу потер щечку, на которой остался след от руки Линь Саня, и серьезно добавил:

— Это просто ужасно!

— И не говори! — вздохнул Линь Сань. В голове крутилась тревожная мысль: «Такая маленькая, а уже такая манипуляторша... Что же из неё вырастет!»

<http://bllate.org/book/16514/1502545>